

Глубокоуважаемому В.И. Стрателу
на память от автора -
С. Я. ЧАНБА. - Чанба

21/III-23г.

Сухум.
- x -

АПСНЫ-ХАНЫМ.

ПЬЕСА В IV ДЕЙСТВИЯХ.

Издание Наркомпроса С. С. Р. Абхазии.

СУХУМ.
Тип. В. С. Н. Х. им. Ленина
1923 г.

От автора.

Гнет царского самодержавия несл на своих плечах и маленькая Абхазия. Решительный удар революции сбросил черную ношу, и Абхазия вздохнула свободно. Но меньшевицкая соседка, «независимая» демократическая республика Грузии, стала расширять «свои исторические границы». Взоры меньшевиков-империалистов жадно устремились на «лакомый кусочек»-Абхазию, и, пользуясь превосходством сил, «независимые» показали свои хищные когти. В продолжение трех лет (1917-1920) Абхазия испытала на себе всю прелесть меньшевицкого шовинизма...

В предлагаемой пьесе автор пытался отразить политику грузинских меньшевиков в Абхазии. Это не пьеса быта. При ее постановке на сцене всего менее должно преследовать «реальность» тона и сценического рисунка. Автор сознательно принимает для пьесы условный стиль, ту «чистую театральность», при которой будут иметь свое место и котурны, и декламация, и нарочитость театрального жеста. Его символы откровенны, и он охотно примет упрек, что в этой пьесе он прежде всего сын своей страны и гражданина своей эпохи.

С. Чанба.

АПСНЫ-ХАНЫМ.

Пьеса в IV действиях.

Действующие лица:

- ТАТАРКАН. Старик, убеленный сединами. Голова и борода выбриты. Костюм: белая черкеска, на плечах белый башлык, на ногах чувяки и ноговицы.
- ГЫД. Средних лет. В черкеске, голова повязана башлыком, на ногах чувяки и ноговицы.
- АСТАМЫР. Молодой человек. В черкеске и в башлыке, на ногах чувяки и ноговицы.
- МИХАКО. Молодой человек, небольшого роста, вертлявый, быстрый в движениях, в штатском европейском костюме, в соломенной шляпе, с тросточкой в руках.
- АПСНЫ—ХАНЫМ. Красивая молодая девушка в национальном костюме. Две сплетенные косы спускаются спереди, на голове венки из роз.
- ЕСМА. Молодая девушка. На ней простая кофта и юбка. Сзади свешивается сплетенная коса.
- КАРТВЕЛИШВИЛИ. Красивый молодой человек, лет 30—35, с черной бородкой. Одет по европейски, щегольски.
- ТОВАРИЩ КАРТВЕЛИШВИЛИ. Молодой человек. Костюм: френч, галифе и сапоги.
- ТЕМЫР, НЫРБЕЙ и НАХАР. Молодые люди. В черкесках и башлыках и в легких чувяках и ноговицах. Рукава засучены, полы черкесок заткнуты за пояса.
- ОДИН ИЗ АБХАЗЦЕВ. Средних лет. Одет по кавказски.
- ПАСТУХ. В короткой, плотно-прилегающей к талии черкеске; опоясан кавказским поясом, на котором привешаны большой кинжал и абхазский нож в ножнах. На голове—войлочная пастушеская шапка.

Действие I-е

Сад. В тени развесистого дерева стоит длинный стол, покрытый скатертью. В стороне на видном для зрителей месте сделано возвышение, украшенное зеленью и цветами, а над ним крестообразно развеваются два флага—красный и национальный. (Национальный флаг состоит из трех полосок: нижняя—черная, средняя—красная, верхняя—зеленая). Быстро и ловко, заткнув полы своего черкесок за пояс и засучив рукава, накрывают стол Темир, Пырбей и Назар.

Темир. Ну, кажется, все.

Хахар. Какой ты сегодня светлый, Темир!

Темир. Сегодня! Еще бы! Сегодня—день радости. Такого дня в нашей жизни не бывало. Подумать только: нет больше цепей... нет царского самодержавия. Оно рухнуло, как старый подгнивший сарай. И наша маленькая Абхазия, свободная Абхазия, сегодня торжествует!

Хахар. Да! Этот день нужно отпраздновать достойно.

Хырбей. В грязь лицом не ударим!

Есма. (Вбегая) А вот и я к вам на помощь! *(Оглядывая стол)* Э! Там, где не коснется женская рука, никакого порядка! Верно? *(Что-то поправляет на столе).*

Все. Верно! Верно!

Темир. Разве жизнь без женщины—жизнь?

Есма. Ну, хорошо, хорошо! Подавайте мне тарелки—я буду накладывать «абыста»*. *(Хырбей подает тарелки, Есма накладывает «абыста»).*

Темир. Нахар! А ты забыл про свой бурдюк? Ведь, ты сегодня виночерпий.

Хахар. Бегу! Бегу! *(Уходит).*

Темир. А где Апсны—Ханым?

Есма. Сейчас идет.

Темир. Не опоздает?

Есма. О, нет! Ах, как она красива, Темир! Прекраснее ее я не видала.

Темир. Первая красавица Абхазии!

Есма. И честь какая ей сегодня—на празднике!

Темир. Она ее достойна.

* „Абыста“—мамалыга, приготовленная из кукурузной муки.

Есма. И как это хорошо будет, Темыр! Апсны-Ханым — живое воплощение нашей страны.

Темыр. Да! Живая эмблема свободной прекрасной Абхазии!

Нахар. (Внося кувшин с вином и проходя мимо Есмы) Накладывать «абыста» — дело не мужское... Хорошая хозяйка будешь, Есма!

Есма. Хочешь, выйду за тебя замуж?

Темыр. Ну! Ну! Нахар! Ухаживай за бурдюком, а не за Есмой. (Смех).

Одиз из абхазцев — (Входя). — Что, молодцы? Готово у вас? Гости в сборе.

Темыр. Сейчас! Сейчас! Как только все будет готово, мы скажем. (Абхазец уходит). Живей, друзья, живей! Что? «Абыста» наложена? Отлично. Итак, ты, Нырбей, раздашь гостям мясо, Нахар будет подавать вино. А вода и полотенце?

Нырбей. Готово.

Темыр. Живей, Нахар! Ага! А вот и Апсны-Ханым. Теперь все в порядке, и можно звать гостей.

Есма и Нырбей. Иди! Иди! (Темыр убегает. Входит Апсны-Ханым. Ее сопровождает с пеннцем молодежь. Апсны-Ханым идет и занимает место на возвышении. С другой стороны, торжественно и медленно идут гости. Нырбей, с водой, Есма, с полотенцем, помогают гостям умыться руки. Гости расслаживаются. Нырбей раздает мясо, Нахар подает вино. Едят. Есма садится у ног Апсны-Ханым).

Есма. Как ты прекрасна, Апсны! И весь мир сегодня прекрасен. Радость заливает душу, и мне кажется, что я никогда не была так счастлива, как сегодня.

Апсны-Ханым. Сегодня великий день, Есма. Мне кажется: я вижу сейчас всю Абхазию, до последнего уголка. Вся она залита солнцем восторга, вся цветет и благоухает. Черными змеями уползли навсегда в горы наши черные дни... Мне кажется: я слышу, как легко и вольно дышит земля моей родины — та земля, которая стонала горьким стоном столько веков... Я вижу, как раскрылись могилы прошлого, и светлые тени наших предков встают и поют радостный гимн освобождения... Ах, как хорошо дышать и жить! Смотри, Есма, как по нбвому, празднично и торжественно, сверкает сегодня море!

Как вольно и сильно дышит морская грудь! И в самой себе я чувствую эту волю, эту силу!

Есма. Я понимаю тебя, Апсны, Я-простая, обыкновенная девушка, каких много... Но сегодня и во мне цветут восторг и гордость: я-дочь моего свободного народа. А ты, Апсны! Ты чудишься мне на солнечной чудесной высоте. Мне хочется целовать край твоего платья, следы твоих ног, слиться с тобою, Апсны-Ханым-Абхазия!

Матаркаш. (Встает. Все гости встают также). Дети мои! Я поднимаю этот стакан за нашу родину-за Абхазию. Счастлив я, дети, и благодарю тебя, Бог, что ты дозволил мне дожить до этого дня, радостного для моего народа и для меня, старика, уже стоящего у края могилы. Вы еще молоды, вы еще не пережили того, что я пережил на своем веку. А я живу давно, дети! Мне уже за сто лет. Вместе с родиной я и радовался, и плакал, я смеялся и горевал... Я помню: я был молодым, Абхазия была свободной страной... Передо мною, сейчас, встает, как живая, громадная площадь; на ней колыхается веселая толпа и следит за играми молодежи. А поодаль, в тени громадных лип, полукругом, сидят, чинно, старики... Среди них, опершись на посох, стоит, как лунь седой, старик и держит речь... Решают: быть миру или войне с соседями. Это, дети, наша знаменитая „Лыхнашта“, лыхненская площадь, где Абхазия вершила свои дела. Да... родина наша цвела! И горы, и долины, и побережье, всю Абхазию от края до края, населяли свободные люди-ваши отцы, деды и прадеды. То были светлые годы... Потом... Потом... потянулись черные годы... И Абхазия билась, задыхалась, томилась в тяжелых тисках... И часть нашего народа не помирилась с потерей вольности, независимости, оторвалась от родины — матери, потянулась в далекую Турцию... Я их не обвиняю! Трудное было время!.. Да... Предлагали ехать и мне, но я сказал: нет, я не поеду никуда, я останусь здесь, где зарыты кости моих предков и в черную годину жизни моей родины я не брошу ее! Нет, если я сын своей родины, я должен делить вместе с нею и ее горе и ее радость!.. И я остался... Помню тот день... Они уезжали... Я поднялся на ближайшую гору: черный, как зловещий ворон, пароход плыл, унося моих братьев в неведомую даль... Долго стоял я и плакал... К вечеру, одинокий, с разбитым сердцем, с отуманенной голо

вой, спустился я в осиротелые долины... С тех пор я нес вместе с родной страной ярмо ее неволи... (*Гордо выпрямившись*) Теперь, хвала Тебе, Господи, я дожил до светлого дня!.. Цепи сброшены! Я гордо поднимаю свою седую голову и этот стакан с янтарным вином моей родины и пью за вновь обретенную, вольную Абхазию!.. Мы, старики, теперь спокойно отойдем на покой и вам, нашему молодому поколению, завещаем родину! Любите ее, ведите сохранно по новому, светлому пути, вперед, к прекрасным далям!.. (*С трясущимися руками опорожняет свой стакан, молодежь поет „Шарда-аамта“.* По окончании пения, все садятся. Гыд берет стакан и поднимается. За ним встают и другие, кроме старика*).

Матаркаш. Мне старику, дети, простите! Вставать не могу... Дух мой хочет порхать вместе с вами, но дряхлые кости мне изменяют.

Гыд. Мне, старшему из вас остальных, разрешите поднять этот стакан за возрожденную Абхазию. Вы слышали: устами дорогого деда предки наши завещают нам родину; и велют нам сохранно вести ее по новому, светлому пути. Но как и кто поведет ее, не свернув с прямого, верного пути? Я думаю, друзья, что Абхазию поведет к национальному возрождению только спаянность, только нераздробленность ее народа, без различия классов. Это будет единственный прямой и верный путь... Я скажу: борьба внутренняя, борьба классовая, лишь раздробит, распылит силу Абхазии, она поведет к гибели нашей нации, а потому, поднимая этот стакан за возрожденную Абхазию, я пью за спаянность ее сынов, за единую волю, за единую душу всего абхазского народа! (*Поют «Шарда-аамта»*).

Астамыр. (*Говорит горячо, с огнем*) Я поднимаю стакан за родину, восставшую из пепла и праха прошлого. Бедная страна! Сколько мук на твоём историческом пути!.. Сколько раз твой маленький, но героический народ шел на смертельную борьбу с врагом. В борьбе он падал и изнемогал или, воспрянув духом, поднимался и снова рвался в бой. Победенный, лежал он многие годы, до последних дней, истерзанный, израненный, обливаясь кровью... Это была борьба внешняя, борьба за вольность и национальную независимость... А

* „Шарда-аамта“ — многолетие.

рядом с ней шла другая, сначала глухая, незаметная—внутренняя борьба трудовых масс против своих же господ... Теперь две силы стали силой единой... Смотрите! Над прекрасной Абхазией нашей—две победные силы, перевитые одна с другой. Одна—кровоаво-красная. Эта сила всемирного пролетариата—флаг освобождения труда; другая—флаг национального освобождения от гнета поработителей извне... Ясен путь для моей Абхазии! Победный, кровоаво-красный флаг должен стать ее путеводной звездой; он поведет ее туда, к безбрежному свету в царство правды и мира!.. Но кто же должен держать и нести этот красный факел? Я скажу не то, что сказал уважаемый Гыд. Рабочие и крестьяне Абхазии понесут этот красный факел! Но не вместе с их былыми господами. Довольно! Долго руководили они судьбой Абхазии. Теперь они должны сойти со сцены и уступить дорогу подлинному народу—рабочим и крестьянам. Они одни, в союзе с другими свободными народами, с красным знаменем в руках, поведут Абхазию к лучезарному свету, туда, куда стремятся пролетарии всех стран!.. Друзья, нашей свободной Абхазии—„Шарда-аамта!“ (*В конце речи Астамыра входит Михако. По окончании пения*):

Голоса. А, Михако! Ты где же пропадал, что опоздал на праздник? Иди скорей! Мой руки!

Михако. Сейчас, друзья, сейчас! (*Моем руки, подходит к столу и занимает место*)

Голоса. Сюда! Сюда!

Михако. Я—с новостью. И новость-то какая! Уму непо-стижимо.

Голоса. Какая новость? Ну, говори! Скорей!

Михако. В Сухуме-гость, да не какой-нибудь, а знаменитый.

Голоса. Откуда? Кто? Да говори же!

Михако. Я сначала даже не поверил, когда мне сказали об этом. Помчался на набережную и увидел собственными глазами на балконе гостиницы... Рассмотрел с головы до ног...

Астамыр. Потому ты так и сияешь, Михако?

Голоса. Да кто ж? Кто?

Михако. (*Торжественно*) Грузинская знаменитость—сам Картвелишвили.

Голоса. А! а! а!

Матаркаш. Ты говоришь—Картвелишвили? Дети! Сейчас

же идите и пригласите его сюда. Мы всегда рады гостям, а такому почетному гостю мы рады особенно. Это один из лучших сыновей Грузии, нашей дорогой соседки; он должен встретить у нас самый радушный прием. Сын Гыд! Возьми с собой двоих, иди к нему, проси его почтить своим присутствием наш праздник.

Гыд. Иду, отец. *(Собираются уходить).*

Темыр. Смотрите! Не он ли это сам сюда идет?

Михако. Да! Да! Уму непостижимо! Конечно, это он! А с ним его товарищ, известный тоже...

Татаркан. Дети! Навстречу дорогим гостям! *(Все встают из-за стола и движутся по направлению к гостям. Входят Картвелишвили и его Товарищ).*

Картвелишвили. Привет вольным сынам Абхазии!

Татаркан. Добро пожаловать! Привет и вам, дорогим соседям, сынам прекрасной Грузии! Темыр! Подай воды гостям. *(Мойт руки)* Прошу к столу вас, дорогие гости. *(Садятся: Картвелишвили, его Товарищ и Татаркан).*

Картвелишвили. *(К окружающим)* Садитесь, пожалуйста. *(Все садятся. Гостям подают еду и вино).*

Есма. Почетный гость, сосед, сын Грузии, на нашем празднике, Апсны! Смотри, но не залюбуйся очень...

Апсны-Хакым. Для вольного сердца запрета нет, Есма. Чего ты боишься? Если бы я и отдала кому-нибудь мое сердце, то вольной души—никому, никогда.

Есма. Он посмотрел на тебя... и так пристально, так пытливо!

Апсны-Хакым. О, пусть, сколько хочет, смотрит! Мне были тягостны чужие взоры, когда я была подневольной, закованной в цепи... А теперь! Пусть смотрит!

Есма. Он хочет говорить!

Картвелишвили. *(Говорит гордо, покровительственно, с англоблом, как бы желая кого поразить)* Сыны прекрасной Абхазии! В моем лице братский вам народ свободной демократической республики Грузии шлет свой привет и поднимает бокал в честь свободолюбивых сынов вашего края. В прошлой жизни обеих соседних стран много общего. Гнет поработителей одинаково тяготел над ними многие годы, и не раз Грузию, как и ее прекрасную соседку, Абхазию, хлестали волны нашепствий, опустошений, душила железная нога победителя; истер-

занная, измученная, она напрягала все силы и отражала героически нападения врагов. Не раз, как раненый зверь, она кидалась то на юг, то на восток, то на север, спасая себя. С юга на нее надвигалось, волна за волной, море красных фесок, с востока Шах-Абас—и сколько других шахов! С севера грозили орлиные налеты храбрых горцев. Пробил час—и для героя возможное стало невозможным... Когда физическому существованию Грузии стала угрожать смерть, она кинула свой, полный отчаяния, взор на север, к единоверцам, к сильным северянам и позвала их к себе на помощь. Она отдалась им под покровительство, не как рабыня, а как равная с равной. Увы! Где сила, там и право. Грубая сила, пользуясь беззащитным положением Грузии, постепенно поработила ее народ. И бедная родина моя, как и прекрасная ее соседка, Абхазия, многие годы несла ярмо неволи. Теперь обе страны сбросили цепи и над ними ярко заблестел луч свободы! Теперь мы с вами сольемся в одно целое и создадим одно независимое демократическое государство, а потом через демократизм—к лучезарному свету—Социализму! Обе страны, одна без другой, немислимы. Абхазия—это одна из прекрасных струн гитары Грузии, их надо настроить в лад, и тогда вольный удар вдохновенных пальцев по звучным струнам исторгнет дивные аккорды! *(Поют „Шарда-аамта“).*

Татаркан. *(Приветствует гостей)* В вашем лице, дорогие гости, Абхазия и вольные сыны ее приветствуют сынов прекрасной Грузии. Сегодня у нас великий день: Абхазия празднует свое возрождение. Она рада приветствовать в этот день и своих соседей. Наша родина вновь обрела свою прекрасную вольность. В живом образе воплощена она здесь, перед вами. От имени ее, от имени всего абхазского народа привет сынам прекрасной Грузии! *(Поют „Шарда-аамта“).*

Астамыр. Свободная молодежь Абхазии приветствует гостей и шлет свой привет грузинскому народу и его цвету—молодежи Грузии. Слияние народностей и в частности слияние двух братских соседей—Абхазии и Грузии, я мыслю несколько иначе, чем уважаемый гость. Свободный союз свободных народов—вот девиз наших дней. Красные знамена должны победно реять над каждой народностью, и это будет общей связью между ними, а во внутренней жизни должны они быть независимы и развиваться самостоятельно. Принужденное слияние ги-

бельно для народности слабейшей. Культурно более сильная поглотит более слабую. Это — закон природы. И когда Абхазия, при самостоятельном, свободном развитии, проложит у себя свой самобытный, культурный путь, тогда она свободно сольется со всеми соседями, и в частности с Грузией. и тогда только струна Абхазии сольется в лад с другими струнами на арфе Кавказа. Да здравствует свободный союз свободных народов! (Поют «Шарда-аамта»).

Картвелишвили. (Подойдя с бокалом вина к Апсны-Ханым) Там, за снежными горами, твоя сестра, Грузия, свободная, как ты, прекрасная, как ты, глядит на тебя с нежной любовью, тянет к тебе руку и говорит: пойдем со мной, неразлучно, вперед к свободе и счастью! Да здравствует родные сестры-Грузия и Абхазия! Да здравствует их лучезарный единый путь! (Поют „Шарда-аамта“).

Матаркак. А теперь, дети, давайте завершим наше торжество танцами. Пущусь я первый... (Молодежь поет, старик пускается в пляс сделав два-три круга, останавливается: замолкает и пение).

Матаркак. Ну, вот, это последний мой радостный танец здесь, на земле моей родины... Продолжайте: пойте, танцуйте и радуйтесь! (Идет и садится, молодежь поет и танцует).

Занавес.

Действие II-е

Сад. Под ветвистым деревом стоит скамейка. Вдали, чрез просвет деревьев, видны море и живописные горы Абхазии.

Картвелишвили. (Один) Прелестный край! Тут все чарует и пленяет. Над головой вечно ласковое солнце, у ног, у лазурных берегов, нежится изумрудное море. Голые, сухие горы моей родины бледнеют и меркнут перед этими мягкими и сочными горами Абхазии!.. Седой, могучий царственный Кавказ! Сколько дивных красот вмещаешь ты в себе! Одна из лучших твоих жемчужин-Абхазия! Не даром к ней всегда тянулись соседи. Край вольной, гордой красоты! Пленился я тобой и всей душой желал бы... обладать... Да! обладать тобой! Ты нужен Грузии! Твои богатства... и красота твоя... Но как? Но как добиться цели? (Входит Товарищ Картвелишвили).

Тов. Картвелишвили. А-а, вот ты где! О чем задумался?

Картвелишвили. Мечтаю... О красоте Абхазии...

Товарищ. И об ее богатствах? О, да, чарующая красота! И клад, для нас необходимый!

Картвелишвили. Но как им овладеть? Как овладеть?

Тов. Картвелишвили. Вот эту-то задачу мы и должны решить!

Картвелишвили. Должны! Мы-независимое государство. Европа признала нас. Мы — республика, какой еще не видел мир. Мы ширим свои границы, ищем свои заветные исторические берега. И было бы странно, если бы этот приток Грузии, эта маленькая Абхазия, не слила своих вод с великим потоком Грузинской реки!

Тов. Картвелишвили. А между тем эта гордая горная речонка сама хочет влиться в мировое море! Ты помнишь их речи за столом?

Картвелишвили. Я помню их речи за столом, но помню и кое-что другое...

Тов. Картвелишвили. Другое? Что?

Картвелишвили. Апсны-Ханым!

Тов. Картвелишвили. Апсны-Ханым?

Картвелишвили. В ней-ключ к решению. Я предложу ей руку... Я оболещу любовной речью... А когда Апсны-Ханым станет моей женой-скажи, мой друг, разве супружеский союз между сыном Грузии и девою Абхазии не приблизит нас к желанной цели?

Тов. Картвелишвили. А остальное все приложится само собой! Отличный план! Не даром ты-Картвелишвили!

Картвелишвили. А если, паче чаяния, сорвется... и она откажет...

Тов. Картелишвили. Тогда?

Картвелишвили. Найдутся другие пути. Но о них подумаем после.

Тов. Картвелишвили. Сюда идут! Но план... отличный план! Послушай... (Уходят. Показываются Апсны-Ханым и Есма).

Есма. Нет никого. Тебе послышалось.

Апсны-Ханым. Тем лучше. Присядем здесь.

Есма. Но странно, что тебе почудился именно его голос.

Апсны-Ханым. Что же тут странного?

Есма. (Лукаво) Дело может кончиться не так просто! Желанное чудится..

Апсны-Ханым. Не говори пустяков!

Есма. Ах, это такие большие пустяки, когда мужчина так красноречив, так красив и так смотрит, как смотрел сегодня на тебя за столом Картвелишвили!

Апсны-Ханым. Я видела, как он смотрит, но... но сдаётся мне, Есма, загадочен и коварен этот человек.. Что то говорит мне об этом в глубине сердца.

Михако. (Входя) Секреты? Нарочно спрятались от людей? Знаю! Знаю, о ком у вас речь! Конечно! Очарованы? Да? Но кто только им не очарован!

Есма. О ком же мы говорили? Кем очарованы?

Михако. Ясно-Картвелишвили. Кем же другим?

Апсны-Ханым. Но только ты им очарован!

Михако. Великий человек! А какая речь! Золотые слова... Я слушал, затравив дыхание.. Но Астамыр! Астамыр!

Есма. А что Астамыр?

Михако. Как что? Да как же он посмел возражать Картвелишвили? Уму непостижимо!

Апсны-Ханым. Смешно! Почему же должен был молчать Астамыр, если он думает иначе?

Михако. Нет, это невозможно! Опровергать Картвелишвили! Да перед ним Астамыр-мальчишка и щенок.

Апсны-Ханым. Но гордой породы: на задних лапах стоять не умеет!

Михако. Я трезво гляжу на мир и хорошо разбираюсь в событиях. Кроме того, я действительно умею ценить и понимать истинный ум. Вы постигли эту великую идею: „через демократизм к социализму“? Ого! Где вам! Не вашего ума дело.

Есма. Зачем ты говоришь о политике, Михако? Разве она твоему уму постижима? Ты лучше бы немного поухаживал за нами.

Михако. Напрасная трата времени!

Толос. Есма! Есма!

Есма. Иду! Сейчас вернусь, Апсны! (Уходит).

Апсны-Ханым. Ну, объясни мне Михако, что же великого в идее: через демократизм к социализму?

Михако. Что? Тебе доказывать эту великую идею? Напрасная трата времени. (Уходит. Показывается Картвелишвили).

Картвелишвили. Сама судьба сулила эту встречу! (Подходит) Могу я с вами говорить? О важном.. очень важном!..

Апсны-Ханым. Я слушаю.

Картвелишвили. Молвой о вас, гордой красавице Абхазии, давно полнится Грузия. Уже давно, Апсны-Ханым, ваш образ живет в моем сердце. Но там, на моей родине, этот образ ваш рисовался мне только в мечтах, в фантазии.. И вот я увидел вас. И понял, как бедна была моя фантазия, как немощны были мои мечты. Сегодня, на вашем празднике, при первом же взгляде на вас, решила моя судьба. В вас воплотилась вся красота вашей страны.. Вы и Абхазия—одно. Я люблю вас, Апсны-Ханым...

Апсны-Ханым. Мне кажется, вы ошибаетесь... Что может влечь вас ко мне, дикарке? Вы—большой человек... Вы один из вождей культурной, духовно—богатой страны, а я вольная птица дикой маленькой Абхазии.. Мы с вами так несходны...

Картвелишвили. О, нет! Большой смысл—соединить наши жизни, нашу судьбу! Я принесу вам культурное богатство и красоту духа, вы дадите красоту и богатство вашей земли, вашей природы. Мы плодотворно восполним друг друга, и наш союз, спаянный взаимной любовью, будет нерасторжим. Я прошу вас, Апсны-Ханым!—станьте спутницей моей жизни, станьте моей!

Апсны-Ханым. Я не могу вам ответить сейчас... Я не скажу вам ни да ни нет...

Картвелишвили. Я подожду вашего решения. Но я верю, верю горячо, что я услышу: да! (быстро уходит).

Апсны-Ханым. Ничего не понимаю... Мысли путаются.. Что это: сон или явь? Я хочу верить каждому его слову, а что-то шепчет внутри: не верь! „Вы дадите красоту и богатство вашей земли и вашей природы!“ Что же нужно ему? Я? Мое сердце? Моя любовь? Или богатство моего края? Нет, не меня он любит! Не я ему нужна!.. И мой ответ ему не будет: да!

Есма. (Входя) Апсны! Дорогая! Что с тобой? Что случилось?

Апсны-Ханым. Мне грустно.. Тяжело мне, Есма...

Есма. Но почему? Тебе грустить? И когда же? Сегодня, в великий день, когда радуется все вокруг? Апсны? Откуда грусть?

Апсны-Хакым. Какое-то предчувствие беды в себе я чую... Плеснулась в душу тень...

Есма. Нет! нет! Случилось что-то! Говори!

Апсны-Хакым. Случилось. Да. Сейчас здесь был Картвелишвили...

Есма. Он? Здесь? Сейчас?

Апсны-Хакым. Да, здесь, сейчас... И он сказал, что любит меня... что просит стать его женой... И я...

Есма. Что ты? Что ты ему сказала?

Апсны-Хакым. В его словах почудилась мне ложь... Не я ему нужна, — мое богатство. Нет! Нет! Его женой не буду я! *(быстро уходит)*,

Есма. *(Вслед)* Апсны! Апсны!

Занавес.

Действие III-е.

Сад. Слева выступ дома со ступеньками балкона.

Астамыр. Что-нибудь из двух, Михако: или ты задумаешь жениться, или у тебя нет денег, и ты не знаешь, где их достать.

Михако. Брось говорить пустяки. То, чем занята моя голова, твоему уму непостижимо.

Есма. А чем занята твоя голова? Можно узнать?

Михако. В данный момент я думаю о том, каков кратчайший путь в социализм *(Смех)* Чему смеетесь? Тут ничего смешного нет. А вы знаете, кто нашел этот путь, кто решил эту великую задачу?

Астамыр. Кто?

Михако. Картвелишвили!

Астамыр. Ах, да! „Через демократизм — в социализм“. Помню, помню... Эта теория никуда не годится. Это теория трусов, людей нерешительных, как ты.

Михако. Никуда не годится? Теория самого Картвелишвили? Тьфу! Не будем говорить о политике. А где Апсны? Почему ее не видно?

Есма. *(Грустно)*. У себя в комнате.

Астамыр. Да, в самом деле, что с ней, Есма? Она грустна, как осенний день.

Есма. *(вздыхая)* Да, она грустна...

Астамыр. Да и ты сама сегодня что-то не в своей тарелке?

Есма. Причина есть печалиться...

Михако. Какая?

Есма. Вы еще не знаете. Дело в том, что Картвелишвили сделал ей предложение.

Михако. Что? Что ты говоришь? Когда?

Есма. Вчера.

Михако. И вы говорите, что она печалится? Уму непостижимо! Да это счастье с неба! Картвелишвили сделал предложение! Я готов прыгать от радости!

Астамыр. А что ему ответила Апсны?

Михако. Ну, ясно: согласилась!

Есма. Ему она ответила: ни да ни нет... Но я почти не сомневаюсь, что ее последним ответом будет: нет!

Михако. *(в изнеможении)* Уму непостижимо!

Астамыр. Апсны не глупая, не легковерная девочка... И если она ответила так...

Темыр. *(вбегая)* К нам гости!

Все. Кто?

Тов. Картвелишвили. *(входя)* Не помешаю?

Астамыр. Добро пожаловать!

Тов. Картвелишвили. *(сидясь)* Незванный гость хуже татарина. Не так ли?

Астамыр. В наших народных обычаях — привет и ласка гостю. Мы заслуживаем упрек в отсталости... во многом, может быть... но в щедром и радушном гостеприимстве нам отказать нельзя.

Тов. Картвелишвили. Да, у вас есть многое, чему может позавидовать любой цивилизованный народ. Ну, что же вы стоите? Садитесь, пожалуйста! *(Садятся все)*. Да, богат и благодатен ваш край... Но, к сожалению, культура едва его коснулась, а между тем, что можно было бы сделать в Абхазии, если бы только умело и энергично приняты здесь за настоящую культурную работу! У вашей прекрасной родины, друзья, в этом смысле, необъятные горизонты,

Астамыр. В нашей отсталости повинен старый режим, гнет порабощения... Но теперь, когда революция расковала наши цепи и перед нами раскрылись необъятные просторы, теперь мы вздохнем всей грудью, у нас отрастут когда то отрубленные крылья...

Тов. Қартвелишвили. И мы к вашим услугам. Сосед соседу должен помогать. Вы не станете спорить, что у нас больше интеллигентных сил, что у нас есть многое, чем мы сможем с вами поделиться... Благотворной струйкой мы вольемся к вам, в Абхазию, и ваше процветание пойдет тогда быстро. В этом смысле мы вам нужней и полезней, чем кто-либо другой — ведь, так много общего у нас... Европа далека, да и едва-ли ее буржуазные аппетиты могут быть для вас безопасны... И, конечно, не на безумном севере вы можете затеплить тот огонек истинной гуманной культуры, который вам нужен... Все это хорошо, но (*обращаясь к спутникам*) выполним нашу миссию. (*Встают*) Друзья и братья! Мы, Грузия и Абхазия, до сих пор оторванные друг от друга грубой властью самодержавия, снова должны сблизиться, слиться, как в былые далекие времена. Мы исторически спаяны друг с другом, и теперь, когда мы стали свободными, наше тесное соединение диктуется всем ходом вещей. Не желать этого нельзя. Достойный сын нашей демократической республики Грузии, славный Қартвелишвили, почувствовал и понял это сильнее, чем кто-либо. Он горит любовью к вам, и у вас.. среди вас... среди прекрасных дочерей Абхазии нашел он себе достойную пару... Он полюбил вашу сестру, Апсны-Ханым. Он делает ей предложение и просит вас согласиться на этот брак.

Астамыр. Простите, дорогие гости... Мы не можем дать вам ответа... Прошли и у нас в Абхазии те времена, когда судьбой наших сестер и дочерей распоряжалась чужая воля. Наша сестра сама вольна в своей судьбе. Она сама только может дать вам ответ. Мы спросим ее.

Тов. Қартвелишвили. Когда это можно сделать?

Астамыр. Хотя бы сейчас. Есма! Позови Апсны-Ханым... (*Есма уходит*).

Михако. (*К тов. Қартвелишвили*). Я хочу вам сказать: как прекрасен политический идеал вашего славного друга о кратчайшем и вернейшем пути к социализму! Я в полном восторге!.. (*Входят Апсны-Ханым и Есма*).

Тов. Қартвелишвили. Привет прекраснейшей деве Абхазии!

Астамыр. Дорогая сестра! Наши гости из Грузии просят тебя выслушать их...

Михако. (*Есме*) Ради Бога! Шепни ей на ухо, чтобы она согласилась.

Есма. Она сама знает, что ей сказать!

Тов. Қартвелишвили. Мы с низким поклоном к вам, прекрасная Апсны, от славного сына Грузии-Қартвелишвили. Он любит вас и просит вашей руки.

Апсны-Ханым. Я отвечу вам прямо и честно. Я знаю о любви Қартвелишвили: он сам мне говорил о ней... Я не скрою от вас: на зов его сердца я откликнулась бы радостно; я, ни на минуты не колеблясь, пошла бы навстречу счастью любви... Но внутренним тайным чутьем я разгадала скрытый смысл его признания... Не искренне его сердце. Оно расколото между мной и моим богатством, и это богатство ему нужней, чем я. Это мучительно... Это ужасно... Я боролась сама с собой... Я пережила жестокие часы... И я решила: на ваше предложение я могу дать вам только один ответ: нет.

Тов. Қартвелишвили. И это бесповоротно?

Апсны-Ханым. Бесповоротно.

Тов. Қартвелишвили. Вы слышали, друзья? Мы можем уйти. Прощайте! (*Уходят*).

Михако. (*С отчаянием*). Это уму непостижимо! (*Опускается на стул*).

Зана вес.

Действие IV-е

Картина I-я.

Сад при доме, где остановился Қартвелишвили. На заднем плане фасад дома и широкая терраса.

Қартвелишвили. (*Один*) Но почему так долго? Неужели отказ? Это осложнит дело... Нет! Не может быть! Я умею читать глаза женщин, и мне кажется, что я не ошибся, читая в ее глазах короткое, красноречивое, нужное мне: да! (*Пауза*)

Вероятно, церемонии сватовства... Пожалуй, в Абхазии они еще утомительнее и длиннее, чем у нас... (Входит тов. Картвелишвили) Ну? Успех? Неудача?

Тов. Картвелишвили. Отказ. (Пауза).

Картвелишвили. Кто ж отказал?

Тов. Картвелишвили. Сама Апсны Ханым.

Картвелишвили. Сама? Ты с нею говорил?

Тов. Картвелишвили. Да, с ней. Ты знаешь, она не так проста, как это можно было бы думать. У нее есть и ум и чуткость. Она хитро раскусила нашу конфетку. Ты знаешь, что она сказала? «Мое богатство ему нужнее, чем я!» Ты понимаешь?

Картвелишвили. Но Абхазия будет нашей! Апсны-Ханым будет моей! Если не удастся миром, есть средство другое... Старое, испытанное, традиционное средство!

Тов. Картвелишвили. Украсть?

Картвелишвили. Похитить. А там всему поможет время.

Тов. Картвелишвили. Да, кажется, ты прав: другого исхода нет...

Картвелишвили. Пока, другого исхода мы не будем и искать.

Михако. (Входя, робко). Разрешите?

Картвелишвили. Прошу вас! (Товарищу, тихо) Кто это?

Тов. Картвелишвили. Один из ее братьев. Кажется, он сочувствует нам...

Картвелишвили. (К Михако) Чем мы вам можем служить?

Михако. Виноват... Видите ли... Я очень хочу вам сказать... Я тоже меньшевик... Я всегда сочувствовал вам и вашим идеям... и тоже думал, что Грузия и Абхазия должны быть вместе... Когда я узнал, что вы сделали предложение моей сестре, Апсны-Ханым, я был в восторге... Клянусь вам! И когда она ответила вам отказом, я возмутился до глубины души... С ее стороны это глупость! Глупость! Это просто уму непостижимо!

Картвелишвили. Благодарю вас, друг, за ваши искренние, прямые слова...

Тов. Картвелишвили. Их особенно приятно слышать от нашего политического единомышленника. И вы глубоко правы, дорогой, что брак моего друга и вашей сестры был бы истинным счастьем для Грузии и Абхазии. Но что же мы стоим? Садитесь, пожалуйста!

Картвелишвили. (Тихо) Кажется, его легко прибрать к рукам.

Тов. Картвелишвили. (Так же тихо) И сделать нашим помощником! Я к этому и клоню. (К Михако) Простите, ваше имя, друг?

Михако. Михако.

Тов. Картвелишвили. Так вот, милый друг, Михако, скажите откровенно: отказ Апсны-Ханым действительно бесповоротен? Нет ли все-таки надежды поправить дело?

Михако. Не знаю, право... У Апсны такой упрямый характер! Вот глупая девченка! Сама гонит от себя свое счастье.

Тов. Картвелишвили. Неужели же дело безнадежно? Послушайте, Михако! Вы человек ей близкий, и может быть, вам легко будет помочь нам...

Михако. Помочь я готов всей душой... Я уверяю вас! Но я не знаю, как это сделать...

Тов. Картвелишвили. Вы можете это сделать. У меня возникает план, дорогой Михако! И мне кажется, что этот план вы должны одобрить. Вы-брат Апсны-Ханым, вы-абхазец и, конечно, желаете счастья своей стране, но вы, несомненно, выше шовинизма, вы не патриот своего огорода, в политическом смысле вы рассуждаете широко и дальновидно—это чувствуется сразу! И не даром вы наш единомышленник, меньшевик... Для вас ясна поэтому идея сближения, теснейшей связи Грузии и Абхазии. Отсюда, ведь, и ваше сочувствие браку вашей сестры с Картвелишвили? Правда?

Михако. Да! Да!

Тов. Картвелишвили. Ну, вот. Мы понимаем друг друга. Вы знаете, милый Михако, наш древний кавказский обычай... Девушка не всегда выходит замуж добровольно... Ее увозят тайком, а после-не правда ли? Дело кончается миром почти всегда... Семейное счастье не дается, а берется... Нельзя ли эту бытовую традицию применить и здесь, раз это нужно для осуществления важной, желанной политической цели?

Михако. Великолепная мысль! Я одобряю. Дорогой друг! Я-весь к вашим услугам!

Тов. Картвелишвили. Вы истинный политик и умный человек! (К Картвелишвили) Вот видишь? Мы неожиданно обрели незаменимого друга и редкого товарища.

Картвелишвили. Я не нахожу слов признательности

вам, дорогой Михако. Ваша заслуга будет оценена по достоинству. Ваше имя будет вписано в историю нашей эпохи. Я рад и счастлив, что встречаю в Абхазии таких, как вы, политически зрелых людей.

Михако. Благодрю вас за ваши лестные слова. Моя услуга будет очень скромна. Дело сделать легко. Апсны часто гуляет в лесу около нашего дома, и там совсем нетрудно устроить похищение...

Картвелишвили. Мы надеемся на вас. Мы пришлем вам людей, вы дадите им все указания, сговоритесь обо всем...

Михако. И Апсны будет ваша! Я буду ждать ваших людей. До свиданья!

Картвелишвили и Товарищ. До свиданья! (*Михако уходит*).

Картвелишвили. Находка!

Тов. Картвелишвили. Находка! Отменный паренек! Именно такими-то людьми и делается дело.

Михако. (*Возвращаясь*) Простите!

Картвелишвили. Вы, Михако? Вы что-нибудь забыли?

Михако. Нет!.. Нет!.. Видите-ли, я забыл... Я хотел выразить вам свое восхищение по поводу вашей идеи, вашей теории—через демократизм к социализму.

Картвелишвили. А! Спасибо! Спасибо! Я должен вам сказать, друг, что эта теория начинает приобретать все новых и новых сторонников.

Михако. А скажите пожалуйста... ведь, эта теория делает совершенно ненужными крутые меры—свернуть шею буржуям...

Картвелишвили. О, что вы! Что вы! Это—слова большевиков... Они нам чужды. Буржуазию, милый друг, мы потащим вместе с собою в социализм, и там она сама растает, как воск перед лицом огня.

Михако. А! Великолепно! Значит, мы пойдем в социализм вместе с буржуазией. Это очень хорошо. Я больше вас беспокоить не буду. До свиданья!

Картвелишвили и Товарищ. До свиданья! (*Михако уходит*).

Тов. Картвелишвили. (*Иронически*) Друг Михако! (*Оба хохочут*).

Занавес.

Картина II-я.

Лес возле дома Апсны-Ханым.

Михако. (*Ходит, волнуется*) Куда же они девались? Неужели не придут? Нет! Придут! А если нет?.. Придут! Обязательно придут! Удача будет. И что тогда ждет тебя, Михако! Уму непостижимо! «Ваша заслуга будет оценена по достоинству. Ваше имя будет вписано в историю нашей эпохи». Михако! Твое имя будет вписано в историю! А, ведь, пожалуй, я буду министром! Тьфу! В демократической Грузинской республике стану важной особой!.. Ого! го! го! А ну-ка, буду ли я министром? (*Гадает на пальцах*). Раз! Есть! Попал! Два! Ах, чорт возьми! Не попал! Три! Попал! Как же теперь?.. А?.. Два раза попал... (*Быстро*) Идут! (*Скрывается. Показываются Апсны-Ханым и Есма*).

Есма. Ты все грустишь, Апсны! Ну, победи свою печаль! Признайся: ты любишь?

Апсны-Ханым. Все замутилось. Есма! Сама не знаю: люблю или нет! Может быть и люблю, но странно: я люблю кого-то.

Есма. Как? Не его—не грузина?

Апсны-Ханым. Может быть, и не его... Все в предчувствии, все туманно.. Я несу в себе только силу и жажду любви... Ах, Есма! Трудно это сказать словами.. Болит душа.. Этой ночью кошмарный сон мне приснился... Иду я одна, по полю. На небе ни облачка. Нежный, ласкающий свет разлит повсюду, кругом пестреют цветы, воздух полон благоуханий... Все вокруг радуется свету, весне... И сама я полна радости, готова резвиться, как дитя... Восторг закипает в душе... Вдруг набегают на меня тени... Я вздрагиваю и поднимаю голову: надо мной, распластав крылья, парит огромный орел. И вдруг опускается стрелой, подхватывает меня, машет крыльями и уносит на страшную высоту. Через горы, ущелья и долины он мчит меня с головокружительной быстротой и вдруг, откуда-то, наперерез, появляются другие орлы. Они налетают на моего похитителя, и здесь, на страшной высоте, начинается между ними жестокая борьба... борьба за меня... Я вся леденею... и вдруг просыпаюсь. (*Несколько человек, в бурках, с укутанными головами, выбегают из-за деревьев. Девушки издают крик*

Вбежавшие хватают Апсны-Хаными, вырвав ее из рук Есмы, уносят).

Есма. Увезли! Увезли! Темыр! Астамыр! *(Рыдает и бьется).*

Астамыр. *(Вбегая).* Что такое? Что случилось?

Есма. Увезли! Увезли!

Астамыр. Кого увезли?

Есма. *(Рыдая)* Апсны-Ханым!

Астамыр. Куда они умчались?

Есма. *(Указывая рукой).* Туда!

Астамыр. А! По большой дороге! В догонку! На перерез! Они не знают кратчайшей дороги! Мы встретим их в ущельи! За мной! *(Убегает. Несколько абхазцев, с оружием в руках, пробегает за ним. Крики погони. Шум).*

Занавес.

Картина III-я.

Дикое горное ущелье. Стрельба из ружей. Астамыр, Темыр и другие абхазцы из-за камней стреляют по невидимой цели.

Пастух *(Вбегая)* Что такое? В чем дело, друзья? Слышу выстрелы и кинулся сюда на помощь. Думал: не грабят ли кого?

Темыр. Украли Апсны-Ханым!

Пастух. Апсны-Ханым? Нашу радость? Нашу гордость? Да вся Абхазия, как один человек, подымется против похитителей!

Астамыр. *(Горячо и взволнованно).* Темыр! Смотри! Смотри!

Темыр. А что?

Астамыр. Ты видишь, кто идет на помощь?

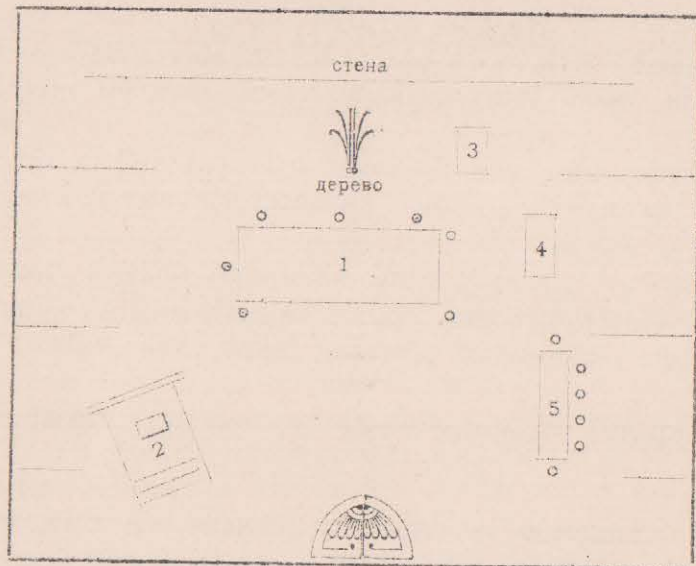
Темыр. Вижу! Вижу, Астамыр! Ура-а! Товарищи! Братья! Теперь спасена Апсны! *(Убегает с другими. Выстрелы учащаются).*

Пастух. Ага! Показали пятки! Бегут! Апсны-Ханым свободна! *(Из глубины ущелья доносится пение Интернационала. Показывается Апсны-Ханым, с красным знаменем в руках, в сопровождении Астамыра, Темыра и других абхазцев. За ними следом стройными рядами идут красноармейцы. Гремит Интернационал).*

Занавес.

Приложение. (к сведению режиссера).

Действие I—Сад.

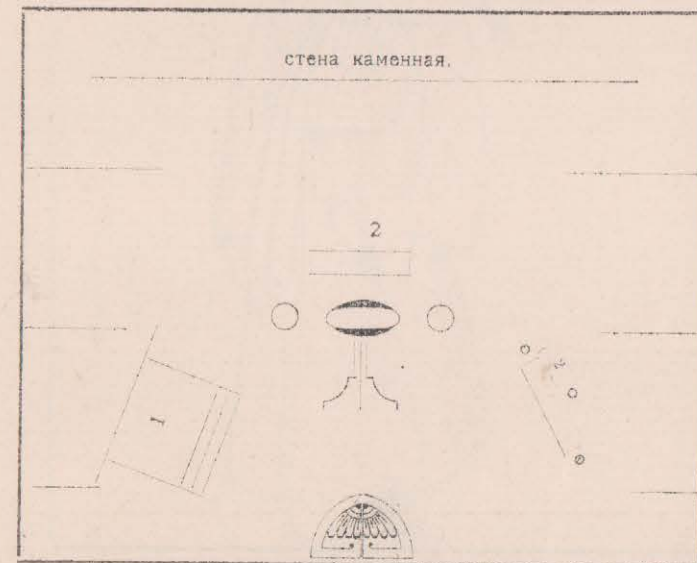
1—Большой стол, накрытый с приборами, 2—Возвышение и на нем кресло, 3—Стол с тазом и кувшином, 4—Стол с абстрактной картиной, 5—Стол, накрытый с приборами.

Действие II—Сад.

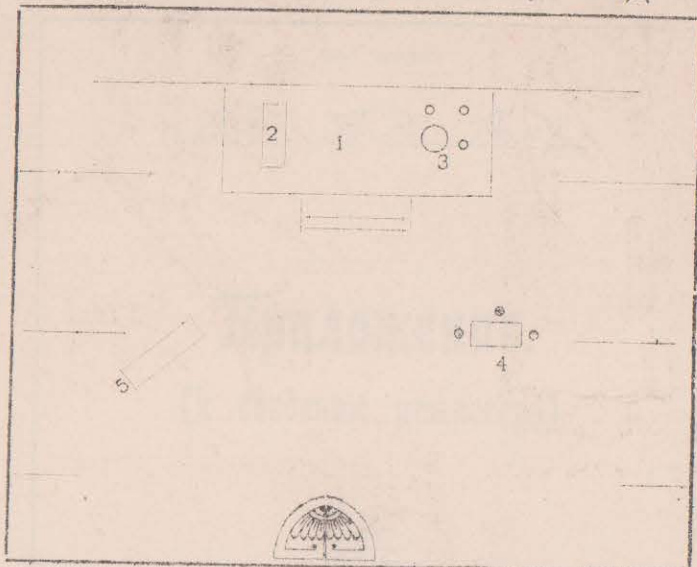
1—Скамья или камень, сзади кусты или пригорки.

Действие III—Сад.

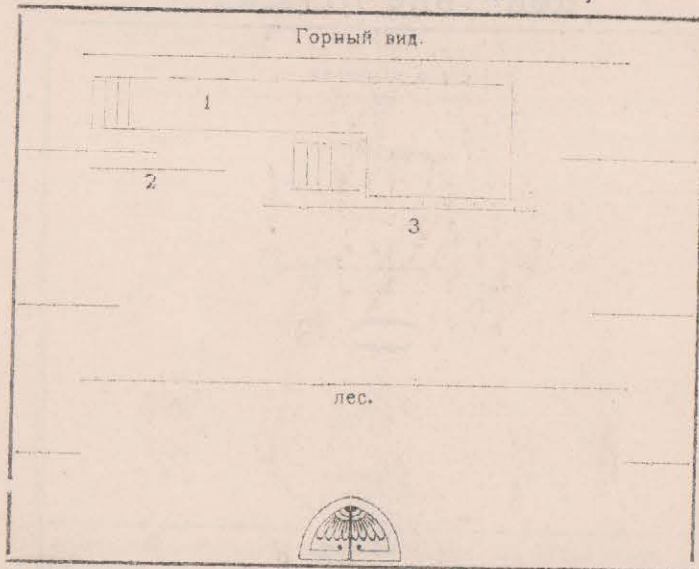
1—Часть дома со ступеньками балкона, 2—Садовая мебель—столы и стулья.

Действие IV [картина 1-я]. - Сад.

1—Дом с террасой, со сходом в сад. 2—Скамейка. 3 и 4—Стол со стульями, 5—Скамья садовая

Действие V [2 и 3 картины].

1—Станки—возвышение, задекорированное пригорками или кустами, 2 и 3—На втором плане декорация леса для 3-й картины. Между 2 и 3 картинами желательна перемена без антракта.

Костюм Апсны-Ханым.

Головной убор абхаэца.

Костюм Татаркана.

Шарда-аамта.

шар-да аам-та, шар-да аам-та,

This system consists of two staves (treble and bass clef) and four measures. The lyrics are: шар-да, аам-та, шар-да, аам-та.

шар-да аам- та шар-да а-ам та

This system consists of two staves (treble and bass clef) and five measures. The lyrics are: шар-да, аам- та, шар-да а-ам та.